

ТРИЛОГИЯ АЛЕКСАНДРА ЯНОВА «РОССИЯ И ЕВРОПА. 1462-1921»

19 АПРЕЛЯ 2010

15:30 - 17:30

МОСКВА

МОДЕРАТОР:

Лев Регельсон

ВЫСТУПАЮЩИЕ:

Тренин Дмитрий Витальевич
Карацуба Ирина Владимировна
Кондаков Игорь Вадимович
Ситнянский Георгий Юрьевич
Балакирев Александр Сергеевич
Зимин Дмитрий Борисович
Режабек Борис Георгиевич
Шегидевич Яков Степанович
Куракина Татьяна Сергеевна
Волкова Эмилия Николаевна
Магарил Сергей Александрович
Филатов Сергей Борисович
Антонов Александр Васильевич
Якунин Глеб Павлович
Кедров Константин Александрович
Васильев Леонид Сергеевич
Верлин Евгений Васильевич
Макаренко Вадим Владимирович

Тренин. Добрый день. Большое спасибо за то, что вы нашли возможным прийти сюда. Сегодня у нас необычный семинар, я думаю, это один из самых интересных семинаров, проводимых Московским Центром Карнеги. Он посвящен обсуждению трилогии Александра Львовича Янова «Россия — Европа. 1462—1921». Многие из вас ее читали, и я с нетерпением жду начала обсуждения. Прежде чем мы приступим, хотел бы сказать, что Александру Львовичу вчера исполнилось 80 лет. Многие в этом зале знают об этом, он бодр, такой же активный, как всегда. К сожалению, ему пришлось встретить свое 80-летие в госпитале, но мы все надеемся, что это временное недомогание и он вскоре опять вернется к письменному столу, к работе, к диалогу и будет участником наших дискуссий. Он очень хотел послушать это обсуждение по «Скайпу». У нас, к сожалению, пока такой возможности нет, но он сумеет послушать, когда мы вывесим аудиофайл, и будьте уверены: все, что вы сегодня будете говорить, Александр Львович будет внимательно слушать. Поскольку кроме нас с вами к этому файлу будут обращаться люди, которые открывают для себя Янова, я хотел бы коротко его представить.

Александр Львович родился в 1930 г., окончил истфак МГУ в 1953-м, работал директором школы в Новокузнецке, который тогда назывался Сталинск, был спецкором «Литературки», «Комсомолки», объездил полстраны, печатался в «Новом мире», «Молодом коммунисте», «Вопросах литературы», «Вопросах философии», защитил диссертацию «Славянофилы и Константин Леонтьев. Вырождение русского национализма. 1839—1891». В октябре 1974 г. он был, как тогда говорили, выдворен за пределы Советского Союза, эмигрировал в США, где начиная с 1975 г. преподавал в ведущих американских университетах, таких как Калифорнийский в Беркли, Мичиганский в Энн-Арборе, в последние годы работал профессором Городского университета Нью-Йорка, издал 20 книг в пяти странах на четырех языках.

Александр Львович настаивает на том, что принципиально иначе читает историю российской государственности. Главный тезис его трилогии заключается в том, что Россия по рождению европейская страна, что в российской истории, культуре, государственности на протяжении веков противостояли друг другу две тенденции: тенденция европейская, договорная и тенденция патерналистская или, как он ее называет, холопская. Янов утверждает, что не только Киево-Новгородская Русь была носителем европейской традиции в русской истории, но и Московская Русь в период, который он называет европейским столетием России (с 1480 по 1560 гг.). Янов очень жестко спорит с теми, кто настаивает на том, что Россия родилась в Орде, что доминирующая и практически единственная тенденция российской государственности обречена на то, что иногда называют сейчас русской системой. Он говорит, что для разрушения европейского столетия потребовались колоссальная ломка, война, террор против своего народа, который был развязан опричниками и их главой Иваном IV, и это, с его точки зрения,

похоже на то, что страна испытала после революции 1917 г. Янов приходит к парадоксальному выводу, что все основные бастионы того, что он называет антиевропейской крепостью, того, что было создано Иваном IV и его наследниками, за последнее время разрушено. Практически не осталось ничего: ни православного фундаментализма, ни обязательной службы дворянства, ни рабства крестьян, ни сакрального самодержавия, и в конце концов ни осталось и империи. По сути ничего от антиевропейской крепости не осталось, кроме (и в этом главная мысль, которую он проводит в своем трехтомном труде) патерналистской традиции. Эту традицию Янов призывает атаковать и разрушить. В этом он видит главную задачу тех в России, кто ведет начало страны от европейской традиции, тех, кто является наследниками европейского столетия, тех, кого иногда называют либералами, западниками. Наверное, это шире, чем какой-то сектор российского политического спектра.

Прошу прощения за то, что немного затянул вступление. Надеюсь, у нас будет очень хорошая дискуссия. Я попросил помочь мне вести ее Льва Львовича Регельсона, которому с удовольствием передаю слово.

Регельсон. Добрый день всем участникам. Я в большой мере представляю здесь автора, мы с ним в постоянной переписке, и я попал сюда по его просьбе. Было обсуждение в Фонде «Либеральная миссия», он назначил меня своим альтер эго, я не смог, начал говорить отсебятину, но тем не менее он был доволен. И на этом собрании благодаря дружбе Дмитрия Витальевича Тренина и Янова он попросил меня представлять его и дирижировать, поэтому я здесь буду в двух ролях: ведущего и представителя автора.

Все присутствующие здесь — люди хорошо подготовленные, каждый из вас может без особого труда закатить сорокаминутный доклад. Проблема в том, что почти всем есть что сказать, и главное — эффективно распределить наше время. План такой: четыре десятиминутных доклада, а затем свободная дискуссия с регламентом от трех до пяти минут. Я прошу всех потрудиться, чтобы суметь уложиться за три минуты. Говорите тезисно, только по сути, без боковых ходов и излишней аргументации. Здесь люди, которые поймут вас с полуслова, они могут не соглашаться, но никому ничего разжевывать не надо. Мне придется следить за регламентом. За минуту до окончания буду звонить. К самому себе я тоже применяю правило трех минут, включая часы.

Дмитрий Витальевич уже многое сказал. Часто возникает вопрос: какой смысл вкладывает Янов в понятие «европеизм»? Многие его спрашивают: «А что вы имеете в виду?». Он отвечает очень лаконично: «Всего две вещи: первое — это системное ограничение произвола власти и второе — внутренние стимулы к развитию». Вдумайтесь. Он называет это сутью европеизма, больше ничего. Здесь очень важные вещи. Почему нам в России это дается с таким трудом? «Он знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть» — разгромить, уничтожить правящий стереотип, как он его называет, русского исторического сознания,

который заключается в том, что русский народ архетипически является рабским, холопским, инфантильным, — причем эту точку зрения разделяют как националисты-державники, так и либералы, одни со знаком плюс, другие со знаком минус, но в каждом из нас такое подозрение сидит, и для подобной точки зрения есть основания. Огромная заслуга, огромный труд жизни Янова в том, что он доказывает: русская политическая культура на протяжении веков была двойственной, с этим патерналистским и холопским течением (которое, конечно же, есть и, кстати, было и в Европе, да и сейчас остается), но с не меньшей мощью представлен либерально-демократический аспект. Причем реально, исторически. И когда у нас говорят, что все реформы проваливаются, кончаются реакцией, на это можно возразить: но у нас каждая реакция тоже заканчивается очередной либеральной реформой. Кстати говоря, сторонники патернализма очень обижаются на русский народ за то, что он все попадает под растленное западное влияние и опять начинает искать свободы. И то, и другое. Должен сказать, что когда я внимательно прочел, и не один раз, трилогию Янова, мое сознание, уже немного заматерелое, сдвинулось в этом направлении.

Еще одна мысль, которая родилась у меня прямо на семинаре в «Либеральной миссии»: одна из причин неудач наших реформаторов (это, конечно, заслуга Петра Великого) в том, что всякая реформа воспринимается как чужое, как навязанное нам извне — все той же Европой. А все, что навязано извне, обычно отторгается национальным сознанием. Ту же ошибку совершили либералы 1990-х годов. Они сами так думали, так было воспринято, но это неправильно. Я только один тезис внес, и Янов охотно с ним согласился, — что в России настоящие русские европейцы — это старообрядцы, вот такое парадоксальное утверждение. Сначала оно вызывает недоумение, а потом, если вдуматься, то при всех их традициях, обрядоверии и прочем они освободились от церковной и государственной бюрократии и вскоре стали самым прогрессивным, самым грамотным, предприимчивым, типично европейским сословием в России. Ну и что, что они с бородами и в кушаках, и посуду выбрасывают? Это ничему не мешает. Здесь присутствует замечательный представитель старообрядчества — Александр Васильевич Антонов, редактор старообрядческого журнала «Церковь», я думаю, он эту мысль поддержит. Еще один видный старообрядец — Дмитрий Борисович Зимин, из почетного рода старообрядцев Зиминых.

Завершая свое выступление, хочу привести цитату. Дмитрий Борисович как-то сказал: «Интеллигентный человек, который не читал Янова, — это нонсенс». Я думаю, что половина присутствующих читала, а для той половины, которая не читала, прошу это замечательное изречение принять и устыдиться. Вы не пожалеете. Вначале трудно, но потом невозможно оторваться. Я заканчиваю, прошу сделать первый доклад. Ирина Владимировна Карацуба, историк, доцент МГУ.

Карацуба. Большое спасибо. Я бы сказала, это не доклад, а докладец, десять минут. Очень отрадный факт, что трилогия Янова уже второй раз за полгода становится предметом серьезного рассмотрения, и нашей публике напоминают о существовании этого ученого с его взглядами, его полемикой, трудами, идеями, что, мне кажется, очень обогащает наше культурно-историческое поле и нашу память. Жалко только, что, насколько я вижу, здесь нет людей, которые могли бы по достоинству оценить один из самых спорных тезисов Янова — о европейском столетии от Ивана III до опричнины. Если бы здесь был Андрей Львович Юрганов, к примеру, или кто-то из наших медиевистов, это еще больше обогатило бы дискуссию.

Когда я думаю о том, что сделал Янов, а он колоссальную вещь сделал, как к этому ни относиться, мне почему-то вспоминаются знаменитые слова, процитированные Марком Блоком в книге «Апология истории, или Ремесло историка»: «Задавать себе вопросы очень полезно, но *отвечать на них очень опасно*». Мне кажется, тот вопрос, который задал Янов, — это не то что полезный вопрос, это один из самых замечательных, насущных и в некотором роде великих вопросов нашей историографии. Когда много лет назад я прочла в полуслепой машинописи повесть Гроссмана «Все течет», совершенно замечательную вещь, меня поразила фраза, что русская душа — тысячелетняя раба. Собственно говоря, на эту тему очень много написано. Для одних это со знаком минус, для других с большим плюсом, для третьих — кисло-сладко, но этот стереотип тяготеет, поэтому, когда ученый стремится что-то ему противопоставить, найти иную традицию, выявить ее, проследить ее развитие, показать все тупики, ловушки, изгибы, пути, перепутья — хочется снять шляпу перед смелостью этого человека.

Если вдуматься, с одной стороны, после Ключевского и Милюкова, а с другой — после Льва Гумилева попытка построить единую концепцию русской истории с древнейших времен до наших дней не может не вызывать уважение. В этой связи я присоединяюсь к тезису Янова о том, что академическая наука имеет тенденцию вскапывать свою грядочку: вторая треть XVII в., первая треть XVI в., — и не смотреть на другие грядочки. Янов предпринял свой труд и написал об этом очень ярко, ведь большинство научных трудов последних 30—40 лет невозможно или очень тяжело читать (я знаю это по своим студентам), они написаны таким языком, что приходится продирается сквозь дебри худосочного, птичьего изложения либо сквозь дебри теоретических изысканий автора, которые еще пойдя пойми. Янов пишет очень свободно, красиво и ясно. Его труд прекрасно доказывает тезис «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает».

Вместе с тем у меня как у человека, который в свое время окончил кафедру с дивным названием «История СССР периода феодализма» (была такая на историческом факультете МГУ), который имеет отношение к этому древнему периоду (хотя сама я вслед за своим учителем Борисом Ефимовичем Краснобаевым занималась началом XVIII в.), то, что написано о русском XVI в., вызывает

большие сомнения. И главная мысль Янова о том, что Россия по рождению страна европейская, мне кажется, нуждается в большой коррекции. Постараюсь в двух словах объяснить, почему. Я согласна с тезисом, что Россия по рождению страна европейская, только не стала бы привлекать ту аргументацию, которую использовал Янов. Я имею в виду такие базисные характеристики, как язык или религия. Европейская-то она европейская, но это окраина Европы, border line country Europe, и у нее вечные проблемы отдаленности от европейских центров с отставаниями, провалами, попытками за одно поколение преодолеть все эти цивилизационные расстояния (как Карамзин писал: «сравняться, чтобы превзойти») одним прыжком, одним рывком, и мы видим довольно много таких прыжков и рывков.

Дальше уже начинаются большие проблемы. Мне кажется самым спорным тезис Янова, на мой взгляд, критики не выдерживающий, о европейском столетии от Ивана III до Ивана IV в варианте опричнины, потому что, как показывают очень многие исследования (последнее, которое я назову, — публицистическая и в некотором роде антияновская книга «The Moscow moment in world history» — «Московское время во всемирной истории» — довольно известного американского автора Маршалла По), Иван IV продолжил и довел до апогея то, что было заложено при его дедушке и батюшке. Он довел это до апогея и некоторого апофея в опричнине. Об опричнине будут спорить столько, сколько мы существуем, потому что это тоже что-то очень базисное для нашей истории. Все то, что сложилось как московский ответ, как ответ очень маленького отдаленного, на элементарной экономической основе, с очень большими проблемами княжества на вызовы модерности, самодержавие, которое видно и на Дмитрие Донском, а где-то и на Андрее Юрьевиче Боголюбском: военно-служилый характер государственности, изоляционизм, милитаризм, мессианизм, увеличивающаяся степень несвободы общественной жизни. Разве это опричнина? Это все прекрасно складывается как раз в последней трети XVI в., и это тот способ, которым Москва создала себя, сумела повести войну на два фронта и добиться в этой войне того, чего она добилась, ну а потом скатилась в гражданскую войну после опричнины. Вот тут мне построения Янова кажутся интересными и очень провокативными для исторической мысли, но согласиться с ними лично мне трудно. Повторяю, мне очень жалко, что здесь нет Юрганова, Алексеева, Борисова или кого-то из наших медиевистов, они бы более аргументированно на это ответили.

Мне кажется, что самое сильное в трилогии Янова связано с его анализом XIX — начала XX в., с тем, о чем он делал диссертацию. Это материал не умирающий. Вспоминаются слова Александра Николаевича Яковлева о том, что наше будущее уже с нами, но наше прошлое еще впереди. Это хорошо сказано. Когда читаешь обо всех извивах XIX — начала XX в., этим очень глубоко проникаешься. И мне кажется чересчур благожелательным положение Янова о том, что все бастионы этой московской системы разрушены. Где же они разрушены?

Разве самодержавие разрушено как идеологема или как политическая практика? Разве единство власти и собственности разрушено? Дело ЮКОСа с Ходорковским, они где? Разве нет тяги к изоляционизму, в определенной степени к мессианизму? Почитайте последние учебники Филипова или произведения Бориса Якеменко. А рост общественной несвободы? Разве эти бастионы разрушены? В некотором роде они как птица Феникс встают из пепла. Стоит задуматься, почему это оказалось возможно. Мне кажется, очень хорошо, что эти вопросы заданы, задавать их очень полезно, а отвечать порой бывает очень опасно, но без этого развитие нашей жизни и нашей мысли невозможно. Честь и хвала Янову за то, что он это написал, что решился пойти вразрез с довольно большой исторической традицией, с такими столпами, как Карамзин, Соловьев. Он скорее следует линии Василия Осиповича Ключевского, которой никто у нас сейчас не следует. Ключевский нынче крайне непопулярная фигура у отечественных историков, потому что у него нет никаких православия, самодержавия, народности. То, что Янов следует этой линии, — здорово и внушает надежду на будущее.

Регельсон. Игорь Вадимович Кондаков, доктор философских наук, профессор РГГУ.

Кондаков. Мне тоже очень трудно представить свое выступление как доклад, это просто реплика в разговоре об Александре Львовиче Янове. Я дважды знакомился с Яновым, один раз — по его трудам, а второй — лично. И обе эти встречи оставили неизгладимое впечатление. Когда я прочитал его первые и последние публикации в советской прессе, «Вопросах литературы», «Вопросах философии», его статьи о Константине Леонтьеве, это произвело ошеломляющее впечатление. Для нас в то время, в 1960-е годы, Леонтьев, можно сказать, ничего не значил, он не был опубликован, находился под большим запретом, прочитать его было тогда практически невозможно. По нашему обыкновению шестидесятников всякая критика чьих-то взглядов воспринималась как их пропаганда, все читалось между строк, и статья Янова, посвященная Леонтьеву, воспринималась в какой-то степени как рассказ о том, что собой представлял Леонтьев. А он, конечно, фигура гораздо более сложная, чем какой-то элементарный славянофил или западник. Конечно, очень важно, что вся последующая философская концепция Янова разворачивалась именно от Леонтьева с его выбором между византизмом и Востоком, с его назойливым стремлением «подморозить Россию», которая слишком явно двинулась в сторону радикализма, и т. д.

Ну а потом интерес к Янову возник, когда его уже давно не было в России. Все началось с его знаменитой нью-йоркской книги «Русская идея и 2000 год» (1988 г.), в годы перестройки она внезапно появилась на прилавках наших магазинов и вызвала массу споров, реплик за и против, потому что мысль о том, что Россия в 2000 г. вдруг окунется в бездну национализма, и эти угрозы фашизации России, то, что Александр Львович назвал Веймарской Россией, — все эти прогнозы, к счастью, не подтвердились, — но как некое грозное

предупреждение, идущее из глубин нашей истории, это, безусловно, настораживало и вызывало массу всякого рода дискуссий. С моей точки зрения, критика Янова с позиций историков, конкретно научного исторического знания совершенно несостоятельна. Дело в том, что Янов, притом что всю жизнь занимается историей, не историк, он философ, философ истории, каких довольно мало. Можно здесь упомянуть Александра Ахиезера. Я познакомился с Яновым в кругу Ахиезера, мы участвовали в дискуссии по поводу судеб России, и именно тогда произошло мое личное знакомство с Александром Львовичем.

Это была дискуссия по философским вопросам истории, и понятно, что всякое конкретное окучивание тех или иных исторических грядок, как правило, мало что могло возразить относительно тех больших идей, связанных, например, с повторяемостью истории, с дискретностью исторического процесса, наличием каких-то глубинных магистральных линий, которые никуда не уходят на протяжении веков в российской истории. В этом смысле опыт Александра Львовича, обращавшегося к самым трудноразрешимым темам, самым спорным вопросам, самым сложным проблемам русской истории, заслуживает восхищения. Я уже не говорю об «иваниане», о том, в какой степени европейское столетие действительно существовало в России.

Я бы сказал, что Киевская Русь тоже в значительной степени была ориентирована на Европу, на Запад, и в этом смысле поворот к Европе в истории России происходил не один раз, не дважды, не трижды, это какая-то постоянная повернутость одной из глав двуглавого орла в сторону Запада, как это и было обусловлено в гербе древнеримской империи, заимствованном нами во времена Ивана III. Это и проблема николаевской России, которая в последнее время вдруг всплыла по-новому в различных дискуссиях: в какой степени создание Российской империи может быть не только оправданно, но и воспринято как некий эталон, в какой степени сегодня можно говорить о наследии Николая I как о чем-то позитивном. На самом деле тут однозначных решений нет, я в этом глубоко убежден. Конечно, в самом деспотизме Николая I довольно мало привлекательного и для нас сегодня. Но если сравнивать николаевскую империю, упорядоченную сверху донизу, с советским большевистским государством, то понятно, что на этом фоне николаевская империя может восприниматься как воплощение некой стабильности и порядка, пусть и застойного, но не построенного на попрании человеческой личности и апологии ГУЛАГа.

Так что в этом смысле все те дискуссионные проблемы, которые Александр Львович имел возможность сформулировать из своего прекрасного далека и поставить перед нами, — это его огромная заслуга, и здесь важнее не конкретные ответы, конкретные обобщения, а скорее возбуждение проблем, которые не имеют простого и однозначного решения. Я думаю, что уязвимость всей историко-философской концепции Янова заключается не столько в том, как он решает ту или иную трудную проблему русской истории, а в том, что он считает, что есть

однозначные ответы. Я, воспользовавшись возможностью увидеть концепцию Янова, изложенную в трех томах как некое единое целое, прочитал ее вплоть до последнего спора, который он ведет с автором послесловия к своей книге, Игорем Николаевичем Данилевским, и очень интересно, что и здесь он оставляет последнее слово за собой. «Мне нетрудно представить себе, например, как воспримут либеральные скептики мою работу, даже в случае, если они попросту не раскассируют ее по ведомству какой-нибудь историософии». Я боюсь, что меня Александр Львович всегда держал по ведомству вот этих самых постмодернистских скептиков, наверное, это совершенно справедливо. Но думаю, что даже в «ведомстве какой-нибудь историософии» Александр Львович занимает выдающееся место. На самом деле историософии у нас не так уж много, и в этом смысле каждая реплика в области историософии вслед за Ключевским, Владимиром Соловьевым является огромной исторической заслугой.

Регельсон. Георгий Юрьевич Ситнянский, историк, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Ситнянский. Александр Львович справедливо видит трагедию страны, крах европейского столетия в том, что патерналистский лагерь, т. е. иосифлянская церковь, бюрократия и помещики разгромили либеральный лагерь, т. е. нестяжательское духовенство, бояр и зажиточное крестьянство, горожан, предбуржуазию. Но вопрос: почему первый лагерь получил перевес? Мое мнение — вмешалась еще одна сила. Я считаю, что Россия является частью евразийского славянско-степного пространства. Александр Львович негативно относится к евразийству, имея для этого все основания. Действительно, идеология антизападная, антилиберальная, тоталитарная, но в ней есть и рациональное зерно представления о России как об органическом синтезе славянских и степных народов, и это положение совершенно не противоречит никаким европейским ценностям.

Так вот, практически все евразийские народы были объединены в XII в. в русско-кипчакское полицентрическое государство Владимира Мономаха. Оно было и европейским, и евразийским, оно не было имперским. Это была добровольная демократическая конфедерация, демократическая по тем временам. А вот начиная с XIII в. при Чингиздах степная составляющая Евразии повернула к деспотизму и пыталась насадить такие же деспотические порядки в русских княжествах. Если Россия при Николае I была жандармом Европы, то Орда стала жандармом Руси. Ордынцы предпочитали иметь дело с одними князьями, поэтому помогали им подавлять и вечевую демократию, и боярскую оппозицию. Но, как и в случае с жандармом Европы, жандарм был внешней силой, способной затормозить прогрессивное развитие охраняемых, но бессильной его остановить. Поэтому после свержения ордынского ига Московия стала европейской страной. А вот при Иване Грозном имела место попытка создать уже новую Орду с привнесением чингисхановских тенденций в русские земли. Владимир Куковенко провел

достаточно интересные исследования и пришел к выводу, что среди опричников был очень большой удельный вес тюркского элемента, а среди репрессированных — подавляющий перевес славянского. Например, он цитирует Джерома Гарсея, который прямо указывает на большую роль ордынских выходцев в опричнине.

О внешней политике Ивана Грозного Янов пишет, что она была протурецкой и антиевропейской, но не было единой Европы, вообще противостоящей Турции. Мировой державе австрийских и испанских Габсбургов противостояла коалиция Франции, протестантских стран и турок. Иван Грозный сориентировался во внешней политике именно на эту габсбургскую империю, на тогдашнего жандарма Европы, в частности, при попытке добиться литовской короны в 1572 г. Он литовской короны добивался для себя, а польской — для австрийского эрцгерцога Эрнеста, но вопреки этому сначала избрали королем французского принца, а потом турецкого ставленника Стефана Батория. И тогда же, в 1570 г., Иван порвал отношения с королевой Елизаветой, враждебной Габсбургам. Результаты этой политики известны: серия поражений с 1564 по 1611 гг., опричнина, потом Смута.

А теперь перейдем к России после Смуты, к России романовской. Если Александр Янов опровергает стереотипы о всегдашней азиатчине Московии, то он попадает в плен другого стереотипа, гласящего, что Россия вернулась в Европу только при Петре. Уже при первых Романовых кардинально изменилось отношение монархов к управляемой ими стране. Ключевский пишет: если предыдущая династия думала, что страна для них, то Романовы думали, что они для страны. В частности, указом царя Михаила Федоровича дворянское поместье признавалось наследственной собственностью при условии службы владельцев, т. е. было покончено с временным выделением за службу. Я не буду приводить все реформы первых Романовых, скажу только, что при них Россия снова стала страной, в которую люди бегут. Если при Иване Грозном бежали из нее, то при первых Романовых опять из Польши побежали в Россию, только уже не паны, а книжные люди. Собственно, украинские и белорусские просветители создали русскую европейскую образованность, потом уже появятся немцы, но тоже задолго до Петра. Поворот к Европе был сделан не от хорошей жизни. Кто учился в советское время, помнит фразу Ленина о Крымской войне, «показавшей гнилость и бессилие крепостной России». Все эти события, опричнина и Смута, наверное, были по моральному эффекту, как сотня крымских войн. При Романовых не ставился вопрос о частной собственности для крестьян, но почему? Потому что община только начала разлагаться, а вот Петр I, который довел учрежденное Иваном Грозным крепостное право до совершенства, превратил крепостного в собственность, он общину законсервировал полицейскими методами до самых столыпинских реформ. Вообще много фактов, свидетельствующих, что в плане реальной, а не показной европеизации Петр допускал прямые шаги назад. Не буду об этом много говорить, отмечу только, что при Петре Россия снова стала, как и при Иване Грозном, страной, из которой бегут. Теперь уже, правда, бежали не

бояре и князья, а крестьяне — куда глаза глядят, в том числе и в Польшу. Это при том, что в XVII в., по единодушному свидетельству поляков и западных наблюдателей, положение польского третьего сословия было гораздо тяжелее российского, по крайней мере крестьянства.

Какие можно сделать выводы? Россия до 1917 г. всегда, кроме вот этого полувека опричнины и Смуты, была европейской страной. Вместе с тем она всегда была и евразийской. В степной составляющей Евразии с эпохи Чингизидов и до XVII в. установились тенденции к восточной деспотии, но дважды, в XIII и XIV вв. извне, а при Иване Грозном изнутри, предпринимались попытки повернуть на этот путь и Россию. Поворот России к Европе произошел не при Петре, а при первых Романовых, и в частности во внешней политике страна переориентировалась с жандарма Европы Габсбургов на их противников, в Тридцатилетней войне Россия поддерживала антигабсбургскую коалицию. А в преобразованиях Петра все не так однозначно и просто. Тем не менее смута стала для России моментом нового европейского выбора, хотя он оказался долгим, трудным, а главное, к моменту решающих испытаний, к Первой мировой войне, до необратимой стадии не дошел. И от нас зависит, станет ли нынешнее время моментом окончательного европейского выбора. Тут все еще не решено.

И последнее. Сейчас начали говорить о борьбе с очернением нашей истории. Бороться с этим, конечно, нужно, только следует не лакировать Иванов Грозных и Сталиных, а перестать делать вид, что наша история из них одних и состоит, надо вспомнить о других, недеспотичных, успешных проектах развития страны. И в этом заслуга Александра Львовича Янова при всех недочетах, о которых я сказал.

Регельсон. Александр Сергеевич Балакирев, историк, главный специалист Главного архивного управления Москвы.

Балакирев. Кажется, пришло время говорить и представителям имперской традиции, к которой я себя и отношу. Главное в этих выступлениях будет рациональность, аргументированность и забота о благе нашей страны, стремление избавляться от мифотворчества, пропагандистских клише и нащупывать суть дела. Я думаю, никого здесь не будет удивлять, что многие оценки будут совпадать у либералов и имперцев в отношении критики тех или иных положений книги Янова.

Зафиксирую прежде всего исходные позиции автора, общие со многими другими, главным образом западными истолкователями России. Он точно и глубоко, в самую суть метит, когда говорит, в чем состоит сущность европейской традиции. Это системные ограничения произвола власти и внутренние источники развития. Все остальное вокруг, мы все понимаем, что такое договорная, правовая составляющая, рыночная экономика, правовое государство, либеральная демократия и т. д. Разумеется, понятие «европейская традиция» очень объемное, культурно-антропологическое и социальное, а на верхнем уровне и политическое, оно многозначно и многослойно. Второе — это признание несоответствия по факту исторических судеб России, это европейская традиция, это не западная сущность,

не западность. В чем сущность незападности? Давно сказано еще русскими историками: вотчинная модель государства (западные историки говорят «патримониальная», но не суть важно), деспотизм, и с этим можно согласиться, его азиатская природа. Некоторые русские авторы задали эту линию, это потом повторялось и западными историками в XX в., а во многом признает и Янов. Наследие монгольского владычества и вотчинная модель государства, его азиатская природа и составляют основу антизападной и экспансионистской империи, с самым духом которой борется Александр Львович.

Оригинальность автора, его вклад, на котором он сам настаивает, как здесь уже было сказано, состоит в том, что, несмотря на все это, вследствие двойственности природы и генетической принадлежности России к западной традиции стране пойдет на пользу восприятие нынешних зрелых или, если угодно, поздних результатов развития западноевропейской традиции в виде тех институтов, форм жизни и т. д., которые мы сейчас у себя внедряем с достаточно переменным успехом.

И вот европейская традиция (треть первого тома ей посвящена), я напому: монгольская Русь, европейское столетие — это, как он говорит, московские Афины, т. е. та ситуация религиозных дискуссий, которая была при дворе Ивана III, борьба за церковную реформу, как он это называет (я просто цитирую его слова, хотя есть, конечно, вопросы ко всем этим определениям), крестьянская конституция Ивана III, Россия — национальное государство уже к началу XVI в., не империя, не какое-то средневековое образование, а национальное государство.

Дальше экономические процессы: превращение крестьянской собственности на севере в аллод, его свободное отчуждение, развитие вольного найма, великая реформа, которая вводит земское самоуправление, суд присяжных и п. 98 Судебника 1550 г., который запрещает царю принимать новые законы единолично и т. д. Видите, как много! Человек, хоть чуть-чуть знакомый с нашей историографией, скажет: да, это, конечно, сильная модернизация, но тем не менее... Не все неверно в этих характеристиках, также как и в оценке результатов царствования Ивана IV. Большинство историков признают, что именно в результате его усилий облик страны существенно изменился, и эти черты потащились из века в век. Но в целом с такой концепцией исторического генома России, какую предложил Александр Львович, согласиться нельзя. Здесь уже прозвучали мысли, достаточно мне близкие. Когда я возражаю, я не собираюсь воспроизводить клише старой монархическо-сталинской историографической традиции, которая возвеличивает Ивана и с которой Янов главным образом полемизирует, а буду настаивать на возможности иного подхода с другим набором факторов или интерпретаций, который начал формироваться лет двадцать назад. Замечу, что важнейший аргумент в пользу такой европейской интерпретации Янов видит в том, что рухнули все бастионы, как он пишет (на это здесь тоже были даны

кое-какие возражения). Если присмотреться, ведь по сути ничего не осталось, ключевое значение в этом постулате имеет факт падения СССР, который и подвел черту под имперской традицией. Если бы СССР существовал, такого категоричного утверждения не было бы, и еще вопрос, взялся бы Янов конструировать такую концепцию России. Именно это и есть решающая гиря на весах аргументации. Но для того чтобы говорить об успехе, мы должны спросить себя: имеем ли мы в итоге какое-либо осязаемое историческое приращение историко-цивилизационного культурного результата? Можно что-то где-то найти, я не буду с этим полемизировать. Вот он говорит: «Ничего не осталось, кроме исторической трухи». А осталось ли в стране после падения империи что-нибудь, кроме исторической трухи? Ну и так же в разных деталях. Или, если воспользоваться игрой слов, является ли крушение антизападной империи торжеством западного, и в каком смысле? Речь идет о торжестве западного внутри незападного? Или о торжестве западного над незападным? Согласитесь, это не одно и то же. Это ситуация побежденной страны, которая как-то адаптируется, и т. д.

Критических замечаний в адрес результатов либеральных реформ здесь прозвучало достаточно много. Это позволяет сказать: само́ крушения недостаточно, чтобы искать какие-то европейские корни в далеком прошлом, за пятьсот лет. Тем более что за пятьсот лет может возникнуть новый этнос. Ведь украинцы говорят: мы с вами, может быть, и были единым этносом, но с тех пор, как разошлись пути Украины и Московской Руси, возникли два совершенно разных народа. Украинцы настаивают на том, что это они наследники Киевской Руси и носители европейской традиции. А мы — нет. И указывают на существенные черты отличий. Возможно, это два разных характера, которые возникли. И даже если что-то там и было европейским, за эти пятьсот лет произошли столь существенные изменения, что можно их просто не принимать во внимание.

Если разобрать историческую конструкцию, приводимую Яновым, которая объясняет происхождение опричнины, то она достаточно притянута за уши, начиная с того, что не было такой ситуации (я ссылаюсь здесь на работу Флори, еще ряда историков), что Иван с Висковатым — за Ливонскую войну, за западное направление внешней политики, а Адашев и Сильвестр — против. Это очень занятая игровая геополитическая ситуация. Речь шла о том, что нужно успеть схватить то, что плохо лежит. И они все кинулись это самое схватить, когда начал разрушаться Тевтонский орден. Была очень выгодная ситуация — рискнуть и повести войну на два фронта, но у них это не получилось. И из-за того, что не получилось, начались разногласия, возникли ресурсные проблемы. Иван начал чудесить, возникла опричнина, истолковывать которую приходится совершенно по-разному, в том числе такими изысканными культурологическими способами, как это делает Юрганов.

Но нужно задуматься над тем, что же это было, и предложить какое-то объяснение, почему этот срыв произошел, даже если считать, что не было столь

цветущей и вестернизированной страны, какой рисует Янов Россию в конце XV — начале XVI в. Тут надо наметить другую методологию. Это совершенно объективистский, даже материалистический подход, рассматривающий в единстве природно-климатический и ресурсный факторы, а также социально-организационный и мирэкономический. Если говорить об авторах, то это и Валлерстайн и Фурсов, и Леонид Васильевич Углов, который написал замечательную книгу о великорусском факторе, где доказывает элементарную вещь: отсутствие прибавочного продукта в сельском хозяйстве (здесь, на севере, континентальный климат), которое не позволяет осуществить даже последовательное отделение ремесла от сельского хозяйства, города от деревни. Чтобы у государства для обороны были какие-то инструменты, осуществлялось насильственное, деспотическое изъятие части необходимого продукта. Впервые с такой ситуацией, с такой драмой Россия столкнулась, когда увлеклась этой игрой и оказалась перед лицом целого фронта западноевропейских государств, а с юга у нее были татарские рейды. И вот в этом контексте произошел срыв, который ощутимого исторического результата сам по себе не принес — лишь разрушение рыхлой феодальной консенсусной структуры государства, с которой ничего не смогли сделать ни Иван III, ни Василий III и которую Иван IV решил поломать вот таким безумным способом, демонстрируя абсолютность своей власти и ее сакральность, выступая в роли олицетворенного божьего суда. Разумеется, ничего хорошего из этого выйти не могло, потому что роль носителя этого сакралитета взял на себя персонаж, даже не церковь, а лично монарх. Страна была отброшена на век назад, и все эти ростки были растоптаны.

Не случайно Янов не говорит подробно о XVIII в., а ведь на него следовало бы посмотреть очень внимательно. Там носителем сакрального универсального начала выступает уже не царь, который рубит всем головы направо и налево, а в большей степени церковь, которая проникает во все сферы жизни и начинает выстраивать модель Святой Руси, охватывающую все население и связанную с совершенно другими категориями, с понятием коллективного спасения через служение государству и жертву и т. д.

Подвожу итог. Существует слой патримониальной или вотчинной власти, когда государство становится большим, добавляется сакральный, эсхатологический слой, действительно здесь важную роль играет прежде всего иосифлянская традиция, а не нестяжательская. Она похожа на католицизм, но Россия была очень отсталой, и нужно было еще много работать, чтобы это православие проникло в толщу народной жизни, чем занимались иосифляне, и спасибо им за это. Это второй сакральный слой, который обосновывает идею личной жертвы ради общего спасения как основы той мобилизации, о которой я говорил. Третий слой... Американская исследовательница Элис Бютшафте, которая опубликовала неплохую книгу о русских разночинцах, пишет: «Мы думали, что русское общество — это сословно-иерархическое общество с косными жесткими

структурными рамками и мыслит по примеру Востока. Ничего подобного, вся проблема России состояла в том, что там крайне рыхлая, аморфная социальная структура. Кроме узкого слоя дворянства, которое в середине XIX в. составляла лишь 1,5% населения (а образованного, европеизированного дворянства было еще меньше), все остальные воспринимались как носители единой культуры, единого социума, собственно прихожане». Аморфность этого социума, отсутствие четкого разграничения прав и обязанностей компенсировались кулачным методом, потому что иначе никак не удавалось. И вот петровская империя, XVII в., ввела регламентацию, системность, цехи даже придумывала и т. д. — с очень переменным успехом. Здесь возникают предпосылки для развития капитализма, вообще производства, когда страна структурировалась сверху с помощью государства. Итак, речь идет о некоей обреченности России на империю, и вопрос, который я здесь не в силах раскрыть: может ли такая форма порождать инновации, творчество и т. д.?

Вот тут-то и можно было бы посмотреть на культурную ситуацию XIX в. Что такое русский либерализм? Реалистично или нереалистично это построение в рамках той же имперской и в какой-то мере по-новому сформулированной эсхатологической традиции?

Регельсон. Начало у нас неплохое, интересные, содержательные выступления. Сейчас мы перейдем к свободной дискуссии. Очень много желающих выступить.

Мне бы хотелось, чтобы подвести предварительный итог, немного приблизить эту проблематику к сегодняшнему дню, потому что мы все живем в истории, но темы, которые поднял Янов, сейчас горят в нас, они в высшей степени актуальны. Либеральные реформы, где они? За эти двадцать лет Индия, Китай, Малайзия с космической скоростью унеслись вперед, а у нас все эта вялотекущая модернизация, которая ползет и ползет. Почему? Сырье есть, таланты есть, опыт есть, почему не получается? Можно сказать, что пока либеральных реформ на самом-то деле и не было, как часто говорят последователи Гайдара. Их не удалось провести, они были подрублены на корню, были просто аварийные реакции. Средний класс, который является носителем модернизации, по-прежнему находится в подавленном состоянии, поэтому рывка у нас так пока и не наблюдается. И идеологический момент — здесь собрались люди, которые могут считать себя производителями смыслов. Идеальный аспект, проблемы империи, поднятые Александром Сергеевичем Балакиревым, проблемы национализма, проблема своего и чужого, проблема высших ценностей и целей — как это сочетается с реальной жизнью? У нас все сложно переплелось.

Есть список тех, кто заранее выразил желание выступить с кратким выступлением, я их буду вызывать. Тем не менее любой может вклиниться, будем гибко к этому подходить. Пока воспользуюсь положением ведущего и предложу

делать реплики в некоем порядке. Прежде всего прошу сказать два слова Дмитрия Борисовича Зимина.

Зимин. Я не записывался, но не откажусь. Я совершенно не историк, и, кстати говоря, труд Янова, от которого я просто пришел в восторг, мне кажется необычайно ярким публицистическим произведением, поэмой на историческую тему. Единственный ее недостаток — она очень толстая, три тома, поэтому мы (мы — это Фонд «Династия») предприняли усилие, издали брошюрку, чтобы по библиотекам распространить эту поэму...

Ну ладно, бог с ней, с историей... Вот есть очень симпатичный человек, ему сейчас 80 лет, давайте называть вещи своими именами, он умирает в Нью-Йорке. И я хочу понять: а почему не в Москве? Я здесь сейчас услышал человека, косвенно имеющего отношение к московским властям. Недавно было обозначение почетного гражданина Москвы. Я подумал: мы сейчас говорим об инновациях, есть же необычайно талантливые люди, молодые, Давид Ян, Касперский... Кого сделали почетным гражданином Москвы, все знают? Неужели никто не знает? О-о-о! Члена Политбюро, последнее деяние которого — борьба с «Антисоветской шашлычной». Он сейчас почетный гражданин Москвы. Там еще остались вакансии. Почему бы Янова не сделать почетным гражданином Москвы, не позвать его сюда, не вернуть ему гражданство?

Голос. Он обидится.

Зимин. Черт его знает, может, обидится... Понимаете, в чем дело... Мы же помним слова Бродского: «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать. На Васильевский остров я приду умирать». А мы к нему на могилу должны ездить в Венецию. Поэтому, если говорить о современности, надо воздать должное поэту от истории. Я не знаю, может быть, даже наш фонд выступит с ходатайством перед Москвой присвоить ему звание почетного гражданина, попросить вернуться, что-то в этом роде...

Короче говоря, от всей этой истории — к современности. Нам надо говорить о сегодняшнем дне. Мы таких людей не умеем ценить. Кто-то еще сказал: «Дай бог, чтобы твоя страна тебя не пнула сапожищем...». Что же мы не ценим свое время, сейчас, сию секунду, а говорим о временах Ивана Грозного? Ну бог с ними, проехали, давайте говорить о сегодняшних героях. Это самое главное, что я хотел сказать.

Книгу Янова нельзя оценивать в терминах холодной академической науки. Как говорят профессиональные историки, она не всегда выдерживает критику как исторический труд, но то, что это необычайно яркое публицистическое произведение, зовущее туда, куда надо, в Европу, — несомненно. Еще один момент, который требует ума Янова, а может быть, не только его ума. Мы видим на протяжении столетий вечную борьбу: Европа — не Европа, отставание то на триста лет... Гайдар говорит о тридцати годах. Но сейчас времена кардинально изменились. Мы видим, что происходит в мире. Темпы развития цивилизаций,

технологий таковы, что догнать уже, наверное, вообще невозможно, что всё, потеряно. Так ли это? Я не знаю. Но очень похоже, что так. И, взглянув на всю эту историческую гонку с сегодняшней точки зрения, думаешь: Янов там помирает, а наша-то страна не к погосту ли ползет? В общем, давайте Янову воздадим должное.

Регельсон. Борис Георгиевич Режабек, биофизик, эколог, председатель Северо-Кавказского отделения Международного экологического фонда.

Режабек. Я, конечно, не историк, но книгу Янова читал просто в захлеб, оторваться от нее было невозможно. Книга великолепная, поднимающая очень острые вопросы, отвечающая на них вполне по гамбургскому счету, без приседаний и кривляний. Ее, безусловно, можно назвать блестящей. Причем это не блеск путеводной звезды, а скорее блеск скальпеля, причем скальпель находится даже не в руках хирурга, а патологоанатома.

Но Россия еще не умерла. Янов говорит, что он последователь Владимира Соловьева и Ключевского. Да, в известной мере это так. Владимир Соловьев действительно выдвинул гениальную линию о деградации национализма и превращения его в конечном счете в охотничье, в ненависть ко всему чужому и т. д. Тут он совершенно прав. Абсолютно я согласен с Яновым и в том, что линия России — европейская, что это европейская страна, но, конечно, нельзя забывать и про огромную азиатскую часть. Это евразийская страна, но отнюдь не по Дугину, а скорее в том смысле, о котором говорил сегодня Георгий Ситнянский.

Так вот о блеске скальпеля. Ключевский, на которого ссылается Янов, сказал: «Недуг, которым на многие десятилетия захворала в XVII в. Россия, называется “затмение вселенской идеи”». С этим я согласиться никак не могу. Вся русская философия от Григория Сковороды до Лосева, Вернадского как раз наполнена вселенской идеей. Такова глубинная мысль в России, связанная именно с вселенскостью, с тем, что постепенно превратилось в идею Вернадского о ноосфере и в идеи Федорова, которые позволили России, впервые обогнавшей Америку, выйти в космос. Это важнейшая мысль, конечно, нельзя терять ее из виду.

Янов очень увлекается теоретизированием такого рода: он говорит, что есть три школы, которые пытаются объяснить русскую историю. Две школы связаны с заговором. Один заговор — это заговор «Бесов» Достоевского. Не знаю, кто в этом заговоре еще участвует — большевики, евреи... Второй заговор — тот, о котором все время кричит Дугин, этот лжеевразиец, изгадивший евразийскую идею и слово «евразийство» ничуть не меньше, чем Гитлер изгадил древнеиндийский знак свастики. То, что делает Дугин, это, конечно, не евразийство. Здесь заговор масонов, заговор неких транснациональных корпораций, заговор каких-то таинственных сил. Зачем им, спрашивается, в эти заговоры вступать?

Янов бегло упоминает третью линию, «школу социальной истории», которая говорит о реальных исторических путях, приведших к революции. И сам тут же

выдвигает идею о том, что главные враги — это не евреи, не масоны, а славянофилы. Славянофилы вечно во всем виноваты. С этим я никак не могу согласиться. Я всегда с большим удовольствием читал и труды Киреевского (который, кстати, издавал журнал «Европеец», об этом не следует забывать) и, конечно, великолепного православного человека Хомякова. Все эти вещи никак не могут быть той точкой опоры, из которой выросли недуги России.

Вообще пути, по которым идет Россия, по которым идет Европа, — это, разумеется, разные пути, у Европы нам надо очень многому учиться, и прежде всего ограничивать вертикаль власти. Этого мы делать совершенно не умеем, на эти грабли все время наступаем, отсюда происходит очень много безобразий. Сейчас Россия фактически — это огромная пустыня. Я неоднократно бывал на Кавказе, в центральных краях, в Тюмени и видел, какая нищета, какая голь перекатная там работает. Посреди этого совершенно страшного пространства высится вертикаль, как такая елочная палка, почти без растительности, но увешанная бриллиантами. И от этого никуда не денешься. Если пообтрусить немного эти игрушки, превратить их в реальную энергию, которой можно питать российские корни, страна могла бы расцвести.

Я сейчас занимаюсь теорией ноосферы, являюсь последователем Вернадского. И полагаю, что здесь можно построить триаду в стиле Гегеля. Это традиция, Средневековье, которой на смену пришел модерн. Мысль сейчас колеблется между этими двумя позициями: Средневековье, традиция — и модерн. Постмодерн — это просто псевдоморфоza, это не нечто конструктивное, а выброс, что-то убогое. Третьим членом этой триады должна быть именно теория ноосферы, ноосферное мировоззрение. И тем, кто хочет его формировать, прочесть книгу Янова следует просто обязательно.

Ведущий. Яков Степанович Шегидевич, системный программист, движение «Солидарность».

Шегидевич. Меня, конечно, тоже потрясла книга Александра Львовича Янова, особенно ее вывод, который, по моему мнению, не историческому, а бытовому, сводится к тому, что поскреби покрепче русского человека — и найдешь там европейца. Этот вывод мне очень понравился. Я увидел, что действительно есть глубокие корни и традиции европейства.

Я всю жизнь связан с хай-теком, системный программист, разработчик операционных систем и т. д. Поэтому мне ближе системный подход к явлениям. И я вижу, что европейское проникло в нашу жизнь повсеместно, особенно там, где мы сейчас этого не замечаем, например, в современных технологиях, в том числе информационных. Все новейшие крупные программные продукты — европейские, западные, новейшие компьютерные технологии — тоже западного производства. И мы не можем им противопоставить какие-то свои успехи. Потому что такие вещи, как системы управления базами данных, — это огромные пакеты прикладных программ, содержащие миллионы команд, их трудно создать, но еще труднее

освоить. И чем больше их осваивают, чем больше потребителей, тем они становятся совершеннее.

А наш рынок несоизмерим с мировым. Поэтому если здесь станут строить что-то отдельное и даже будут какие-то успехи, то весьма ограниченные, потому что мы должны быть связаны глобально. И эта глобальность, это проникновение в Европу, мне кажется, должно быть усилено. Беда сейчас в том, что наше общество напоминает кентавра: одна часть, то бишь базовая экономика, стала рыночной, а сознание остается советским, патерналистским. Естественно, такой несистемный подход препятствует движению вперед.

Надо полнее европеизироваться, проводить европейские реформы. Но слово «реформы» уже настолько навязло в зубах у нашего народа, что воспринимается хуже, чем «революция». Поэтому надо проводить евроремонт как таковой. Что это значит? Нужно выбрать в качестве прототипа какое-то европейское государство, а затем привести в соответствие с ним нашу страну — это плевая задача для русского народа. Мы так делали и ракеты, и атомные проекты, и автомобили, станки. Мы умеем быстро проходить к прототипу, потому что здесь не только лозунг, а методика: сопоставить наше общество с прототипом, быстро увидеть отличия, решить, полезны они или нет, реализовывать их, мониторить, просматривать, и все это делать открыто, с привлечением всего общества.

Наш совковый менталитет не соответствует рыночным реформам. Янов нам подсказывает путь — в Европу, европеизироваться, воспользоваться этими корнями. Здесь Дмитрий Борисович задал вопрос: как, что осовременивать? Мне кажется, что России требуется евроремонт, евроремонт сознания, привычек, всеобщий, начиная с технологий, законов, развитого законодательства, и далее по всем направлениям. Только таким образом мы сможем ускорить свое развитие и даже решить такую кипучую проблему, как Кавказ. Ведь кавказские народы тоже хотят интеграции с Евросоюзом. И если таким образом все пойдет, они сменят свою ориентацию с центробежной на центростремительную. Тогда и Азия, и Кавказ пойдут с нами, и мы сможем решить такую острую проблему, как терроризм, а кроме того, усилить свои позиции в Сибири и на Дальнем Востоке, имея в виду присутствие большого соседа.

Повторю: Европа для нас должна быть светлым путем, мы должны европеизироваться. И вклад книг Янова в эту проблему весьма значителен. Поэтому большая благодарность ему, пожелание доброго здоровья и дальнейшей плодотворной работы уже над более поздним периодом нашей истории.

Регельсон. Татьяна Сергеевна Куракина.

Куракина. Я сегодня не услышала от историков-профессионалов (я не профессионал) о тех моментах, которые меня в книгах Янова очень заинтересовали.

Во-первых, по поводу его принципиального отличия самодержавия, сакрального самодержавия, как он его называет, от европейского абсолютизма. Он

проводит между ними очень четкую грань, как и между самодержавием и деспотией. Как его аргументы относительно разграничения этих понятий воспринимают историки?

Во-вторых, хочется отметить, что сейчас особенно остро стоят вопросы нового расцвета тенденций, связанных с национализмом, с раздуванием нашей самости, особости, нашей гипердуховности и т. д. Здесь прозвучало, что, дескать, по Янову, во всем виноваты наши славянофилы. По-моему, он очень хорошо пишет о том, что славянофилы (Киреев и прочие) были по-своему правы, они были своеобразными европейцами. Но это только первая ступень лестницы Соловьева. И прекрасно показано в книгах Янова, как постепенно они по этой лестнице поднимались и к чему это привело. Во всяком случае, движение по этой лестнице, мне кажется, в наше время уже далеко не на тех позициях, на каких когда-то стояли славянофилы и европейцы. Сейчас всё больше поднимают голову, и со всех сторон это слышно, очень страшные националисты, фундаменталисты. Это та опасность, о которой книги Янова так горячо предупреждают. Об этом я тоже здесь не очень-то слышала.

Регельсон. Раз поднят вопрос, я попрошу Эмилию Николаевну Волкову, доцента Российского государственного гуманитарного университета, выступить на эту тему.

Волкова. Действительно, по заданному вопросу меня тоже больше всего задела эта очень опасная и важная тема — история национализма, как ее представляет Янов.

Позволю себе напомнить, хотя все наверняка читали, но все-таки: национальное самосознание по Янову — это хорошо, замечательно, это настоящий патриотизм, который он желает отстоять. Следующий шаг — национальное самодовольство, начало скатывания вниз. Далее — совсем плохо, национальное самообожание, ведущее к самоуничтожению. Такова картина наклонной лестницы, покрытой льдом... И оказывается, что даже национальное самосознание чревато опасностью дальнейшего скольжения вниз.

Но я хотела бы напомнить совершенно замечательный тезис Янова, который настаивает: в трудное время подлинный патриотизм — это единственный якорь, и его нужно защищать от идеи неизбежности скатывания в самодовольство, от подозрений в том, что он чреват национализмом. Я хотела бы поддержать эту идею Янова. Потому что он удивительно ярко и четко показывает, к каким безднам все это ведет. И приводимый им набор текстов, цитат из учебников, на которые здесь ссылались, — действительно страшные вещи, буквально фашистского толка, с такой ненавистью к инакомыслию, ненавистью к инородцам, к Европе, которая «пахнет трупом»... Это по-настоящему ужасно.

И все-таки достоинство, возможности этого верхнего, настоящего национального самосознания очень хочется отстоять, как и предлагает Янов. Если уж говорить об особом пути (довольно страшное начало, ведущее в пропасть, —

особость, особнячество России, ее особая миссия), то можно представить, если в ответ на претензии «пойдем в Европу и спасем от либерализма», как вещают националисты, у современной России (и у исторической России тоже) есть удивительное достоинство — умение сочувствовать, сосредотачиваться в трудные моменты и идти навстречу, служить, сдавать кровь.

Россия — христианская страна, и все другие религии, и российские, и не только российские, поддерживают идею служения, идею самоотверженности, идею жертвы. И если бы это стало национальной идеей, была бы замечательная возможность избежать вот такого ужасного скатывания в пропасть. Не случайно в России так любят только одно министерство в нашей вертикали власти — министерство Шойгу, которое спасает, кидается на помощь во время землетрясений, наводнений и всего на свете. Вот если бы Россия увидела, что ее особость может быть в этом, появилась бы какая-то надежда избежать национализма.

Ведущий. Сергей Александрович Магарил, факультет социологии Российского государственного гуманитарного университета.

Магарил. Вначале несколько коротких реплик по поводу уже упомянутой в дискуссии монархической традиции. Для сохранения в России монархии, если следовать Лейбницу, не оказалось достаточных оснований. Если же вести речь о воссоздании монархии, неизбежно возникает проблема ее легитимации. Либо монарх помазанник божий в массовом сознании архаичного населения, либо монархия вписана в правовое государство, как в современных обществах Западной Европы. Отсюда вопрос: есть ли в современной России хоть одно из этих необходимых условий?

По поводу духовности. Я позволю себе наполнить это понятие рациональным содержанием — как гуманизм христианского учения, его гуманистические идеалы и ценности. И снова вопрос: после тысячи лет православия они нашим обществом усвоены? Мы преуспели в освоении христианской добродетели, а Русская православная церковь — в своих трудах по внедрению в массовое сознание этих идей и ценностей?

Теперь непосредственно по теме дискуссии и о том, что сделано Александром Львовичем. На мой взгляд, Янов глубоко современен, чего, к большому сожалению, нельзя сказать о многих и многих историках. Мне кажется, то, что им сделано, — это научный подвиг. Он остро актуален в своих работах. Ваш покорный слуга не является историком по базовому образованию, тем не менее хорошо знаком с научным творчеством Александра Львовича. Прямо скажу: я смотрю на отечественную историю глазами Ключевского и Янова.

В своих работах он настойчиво проводит мысль о европейской принадлежности России. На мой взгляд, это безусловно так. Россия прошла в сущности те же этапы, что и страны Западной Европы: создание централизованного государства, утверждение крепостного права и его отмена,

переход от аграрного общества к индустриальному, урбанизация, секуляризация, ликвидация неграмотности, создание системы университетского образования и т. п. Особость России только в том, что к реформам приступали с опозданием, вели их непоследовательно: рывок — застой, рывок — застой. Фактически возник двухтактный исторический цикл, поскольку первые благополучатели торопились реформы свернуть.

По существу российская особость стремилась лишь отклонить нашу историю от траектории Европы. И, надо сказать, не без успеха. Реформаторам, будь то имперская бюрократия, большевики или либералы, ни разу не удалось запустить самоподдерживающийся процесс национального развития, обладающий внутренней мотивацией и устойчивой динамикой. Неизбежно реформы модернизации срывались.

Однако есть и некоторые возражения в отношении выводов Александра Львовича. В частности, его вывод о либеральной традиции, неизбежно воспроизводящейся в России, на мой взгляд, нуждается в уточнении. Фактически мы имеем периодически воспроизводящуюся либеральную традицию, которая столь же традиционно гаснет в архаической авторитарной атмосфере Московии, Российской империи, СССР и, наконец, постсоветской России. Проблема в том, что носители либерального мышления всегда были и остаются в абсолютном, ничтожном меньшинстве в нашем богоспасаемом отечестве. Как известно, демократию нигде и никому не удалось утвердить в отсутствие необходимого множества демократически мыслящих граждан. Претензии прежде всего (или по крайней мере в значительной мере) к отечественным социогуманитарным наукам, а потому и к нашей высшей школе.

Я позволю себе процитировать академика Геннадия Васильевича Львова, известного российского социолога. В статье, опубликованной в 2008 г., он писал: «К сожалению, российская социальная наука оказалась не на высоте», — имея в виду истоки системного кризиса в России конца XX в. «Социальная наука, — продолжает Львов, — фальсифицирует прошлое, главным образом историю, мифологизирует настоящее, понуждая людей действовать во имя реализации несбыточных мифов, будь то сплошная коллективизация или сплошная приватизация. И наконец, мистифицирует будущее, призывая жертвовать счастьем и нормальными условиями ныне живущих во имя построения утопического счастливого будущего для отдаленных поколений».

Итак, постсоветским реформам двадцать лет. Ежегодно наши вузы покидают почти миллион специалистов. Всем им прочитаны шесть-восемь современных социогуманитарных курсов от отечественной истории до политологии и социологии. Полки книжных магазинов просто завалены учебниками. И это отнюдь не марксизм-ленинизм, не история КПСС, это современные социогуманитарные знания. На этих же полках серьезнейшая аналитика, острая публицистика. И что? На излете второго десятилетия реформ наше общество,

понукаемое так называемыми силовиками, властной вертикалью, послушно, безропотно повернуло в позднесоветскую и исторически бесперспективную авторитарную колею. Нам всем есть над чем подумать, уважаемые коллеги.

Регельсон. Сергей Борисович Филатов, Институт востоковедения РАН.

Филатов. Я не совсем профессиональный историк, хотя окончил истфак, я, можно сказать, социальный антрополог, исследующий современную религиозную жизнь, поэтому мне, наверное, можно простить некоторые глупости.

Вы знаете, я только здесь впервые удивился тому, что сочинения Янова считаются такими революционными. Я всегда читал их, было очень интересно, но они мне представлялись немного банальными, потому что казались очевидными. И вот здесь я вижу такое бурное неприятие тех или иных их сторон. Хотя мне кажется, что у него единственный был пункт безумия — это страх русского фашизма и русского национализма. Но, в общем, идеология русского деспотизма всегда была наднациональной, в ней всегда было немножко перчика национализма, чтобы она не была уж такой скучной, со времен, наверное, еще Ивана Грозного.

Я задаю себе вопрос, почему все-таки у профессиональных, настоящих историков, в отличие от дилетантов вроде меня, так много критики в отношении Янова. Вот такое широко распространенное евразийство или, например, мнение, которое я сегодня слышал, о том, что крепость русского деспотизма еще не рухнула, а осталась труха... Я это всегда воспринимаю как то, что меня хотят разыграть, что люди сами не верят в существование евразийских цивилизаций и т. д. И я долго думал, почему.

У всех есть некие профессиональные особенности, профессиональное самосознание, выражаясь грубо, академический идиотизм. Один раз я попал на дискуссию о Великом Новгороде, и вел ее не Янов, а Янин. Это были ведущие специалисты по Новгороду. Они перечисляли все черты Новгородской республики, которые показывали ее абсолютный европеизм, и одновременно говорили, что это совершенно не европейское, не западное общество, что оно отсталое, что настоящей демократии не было, что там были подтасовки на выборах... Господи, речь идет о XIII в., это было вполне демократическое общество по тем временам. Но людям было приятно сказать, что в России демократии не было, Европы не было.

У меня такое ощущение, что это и есть какой-то пункт безумия наших историков, которые всеми способами независимо от идеологической позиции — либералы они или демократы, западники или евразийцы — хотят доказать эту русскую особость. С чем это связано, я не знаю, но в каждой профессии есть некий пункт безумия, и в моей тоже, наверное, есть. Я хотел бы просто призвать господ историков попробовать посмотреть немножко со стороны, почему они все время так хотят доказать, что Янов неправ, и Россия на самом деле не европейская страна.

Регельсон. Александр Васильевич Антонов, философ по образованию, главный редактор старообрядческого журнала «Церковь».

Антонов. Насчет философа — тут полная уже дисквалификация. Я старый, уставший, изболтавшийся человек. Хотел молчать больше, но вот захотелось сейчас сказать.

По поводу европеизма. Там это все трансцендентно для нас, опричина какая-то... Я не понимаю, о чем речь. Я не историк, и что знал — забыл. Но если говорить о европеизме старообрядчества, тут отмечу, как лозунги просто... Первый. Высказывание Павла Павловича Рябушинского (1912 г.): «Пятнадцать миллионов староверов — это та архимедова точка, опираясь на которую, мы создадим из России вторую Америку». Но он имел в виду не пепсиколовский американизм, а мощную страну, помноженную на ресурсы, на наш талантливейший народ и т. д. И второе. Я Лукину, уполномоченному по правам человека, говорю: «Владимир Петрович, ты все там что-то — права человека, Америка... А ты знаешь, где находится единственный в России памятник свободе и правам человека?». Он говорит: «Не знаю». «Приходи к нам на Рогожское. Там стоит колокольня, поставленная в честь дарования свобод вероисповедания. Большая, вторая по величине после Ивана Великого». У них «баба» стоит свободы (извините, я так в кавычках говорю), а у нас колокольня.

Теперь дальше. Как объясняется, откуда феномен европеизма? В России был один европеизм насильственный, внедрявшийся Петром: почему Россия — не Голландия, и мы сейчас их начнем... Другой народ погиб бы от таких насильственных реформ, но русские — огромный, могучий, сильный народ. Как гениально сказал наш великий Александр Иванович Герцен: на революцию Петра Россия ответила явлением Пушкина. Правда, отлично? Тот — революцию, а она — Пушкина.

Но Пушкин — исключение, поскольку он единственный по сути здоровый представитель русской литературы. Русская литература была больна, как вы знаете. Это я не в качестве какой-то ее критики. Гоголь, Мережковский, Достоевский — понятно, болезненная гениальность. А вот Пушкин здоровый и гениальный — редкий случай. Княгиня Шаховская, недавно скончавшаяся в Париже, замечательно сказала: «У Пушкина тьма грехов, но ни одного порока».

Это итог русского европеизма сверху. А снизу, когда по голове-то ударили русский народ, русского крестьянина в XVII в., тут получилось... Возникла философская ситуация. Что такое европеизм? Европа — это философия. Это тавтология — европейская история и философия. Она рождается из духа философии. Философия рождает науку, а наука рождает европейское человечество. Так вот, что такое европейское? Это история философии, рефлексия над бытием. Другие народы живут очень организованно и высоко, но животная жизнь — традиции, традиционализм. А европеец начинает мыслить. В каком плане? Египтяне вычисляли прекрасно, лучше греков. Но только греки сказали: а ты докажи. Так же было и в старообрядческой ситуации. Когда крестьянин спал этим патриархальным сном, ему ударили по башке. Причем как? Царь, бывший наш

батюшка-царь, наш великий государь, патриарх вчера одно говорили, а сегодня вдруг с точностью до наоборот. А где правда?

И вот тут одни пошли, вяло держась за стремя самодержавия, а большинство народа открыло книгу, и возникло великое явление в истории России, пока мало оцененное и продуманное, — это история книжности, образованности. Старообрядцы были почти поголовно грамотны. Дмитрий Сергеевич Лихачев покойный мне говорил: «А вот там крестьянские библиотеки...». Я говорю: «Дмитрий Сергеевич, это при советской власти можно эвфемизмами заниматься». Это все сибирские старообрядческие библиотеки. Потому что новообрядческому крестьянину не фига было, простите за выражение, библиотеку такую держать. А этот-то спорил. Причем самое трагическое — он спорил не просто с противником и не с тем, и не с другим, и не какие-то там масоны-евреи на него нападали. Родной отец, брат родной был в одной согласии, а этот — в другом, и они расходились. И человеку надо было открыть книгу. Причем присловье говорит так: «Если есть что сказать, говори от писания (от книги), нет — лучше сомкни уста».

Эта книжность привела потом к развитию рефлексивного момента. В результате что? Старообрядец знал, что гайку нельзя отвертывать на грузило, как чеховский персонаж. Это особым образом европейски обработанный субъект, говоря по Макс Веберу — целерационально направленное сознание. Поэтому большевик Серебров, друг Горького, на фабрике Саввы Морозова был потрясен: «Прихожу — люди с допетровскими бородами, в кафтанах сидят за новейшими машинами “Кноппа”». И техника уже вырывается вперед, уже конкурирует с Западом. Но Господь судил иначе.

В заключение нарисую маленькую художественную картинку, потому что понятийно работать уже не могу, изнемог. Представьте: сидят тут умные люди, историки, политологи... Прямо страшно здесь находиться. Владимир Сергеевич Глаголев... Просто сжимаюсь от величия человека. Так вот, представьте, сидим мы, у нас такое окошко, а за ним аквариум, и там какое-то неизвестное чудовище. Одни говорят: «Слушай, а что это?». «Чудовище». «А ты знаешь, это млекопитающее». Другая школа историков говорит: «Нет, это травоядное». Третьи: «Вы знаете, оно агрессивное». «Да нет, какое там... Смотри, как оно мурлычет добро». А еще один говорит: «Они во всем рабски послушны дрессировщику». «Да нет, вчера на него набросились, оно оказалось...». Вот так спорим, спорим... И вдруг: «Слушайте, подождите...». Тишина, какая-то зловещая тишина. Взглянули — а его и нет, он уже умер. И предмет исчез всех этих разговоров, как один философ сказал: «В 1996 г. в России исчез феномен разговора вообще. Говорить не о чем». Не то что не с кем, люди прекрасные, но не о чем, предмета нет. И поэтому все славянофилы, все западники, Соловьев... Буквально двадцать лет прошло, я издавал одну книгу. Двадцать лет назад мне ее с трясущимися руками принесли: «О, сейчас люди узнают, вот смотри, там Герцен»... Ничего не применимо. Потому что сейчас русский народ — 80% населения, у нас мононациональное государство по

процентам. Второе — Израиль. И что? А народа-то нет. Это что-то другое уже, население... Как угодно называйте. Но все эти константы, они исчезли. Поэтому поздравляю вас, друзья. Да здравствует оптимизм!

Регельсон. Передайте, пожалуйста, новообрядческому священнику Глебу Павловичу Якунину.

Якунин. Тут не раз звучало ритуальное вступление: или я историк, или я не историк... Я тоже не историк, но в силу сложившихся обстоятельств внимательно занимаюсь современной церковной историей, жизнь заставила.

Бывают градообразующие предприятия, а у нас в нашем светском государстве церковнообразующая Русская православная церковь, которая стремительно идет к клерикализации всего этого государства огромными темпами.

Удивительно, когда я читал Янова, то больше всего обратил внимание на то, что уже здесь звучало: о лестнице, которая имеет три ступеньки, и последняя — это одержимость национализмом. И также о патернализме и лизоблюдстве, или как это называется...

Голос. Холопство.

Якунин. И о холопстве, да. И то и другое сейчас идеально представлено в Русской православной церкви, к сожалению. С национализмом что получилось? Национализм был страшный, двадцать лет назад убили отца Александра Меня. С другой стороны, Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский, двадцать лет отравлял сознание всех православных своими чудовищными ультранационалистскими и антисемитскими идеями. Сейчас так случилось, что когда к власти пришел патриарх Кирилл (по-видимому, все-таки какая-то отмашка была), произошел суд в Питере, и впервые Константина Душенова, который является автором известных одиозных произведений, осудили.

Я предполагал, что 80% наших церковных ультранационалистов бросятся сейчас... И никто не произнес слова. Все промолчали. А почему? Епископы и священники притаились, потому что идет приватизация, огромные площади будут отдаваться в собственность, и церкви, которые не отдали, и огромные помещения... И все смотрят, что будет дальше.

А сам патриарх Кирилл мыслит себя не национальным лидером, это как бы империя церковная. В Белоруссии он говорит: я белорус, на Украине — я украинец... Одним словом, он как бы в любой национальности. И не дай Бог, нашим властям что-то не понравится, он может и уехать. Он сказал: «Я могу уехать на Украину и взять украинское гражданство». Попробуй его тогда достань. Блестящая штука.

Теперь по поводу патернационализма. В истории Русской церкви не было такого собора, когда заседали всего пять-шесть часов. А собор 1917 г., где было торжество демократии и соборности, два года заседал и рассматривал все вопросы. А тут даже не было другого кандидата, и выбрали. И этот патернационализм сейчас

торжествует. Боятся пикнуть. Что сверху сказано, то и осуществится. Эта проблема для Русской церкви стоит довольно остро.

Посмотрим, как это все будет развиваться. Как поможет нам Господь Бог, чтобы все-таки Конституция восторжествовала и было светское государство. А мы смотрим: сейчас на Валентина Суздальского наехали, стали отнимать все храмы во Владимире. И даже на иеговистов, даже Верховный суд вынес постановление. Это совершенно чудовищно. Раньше американцы хотя бы обращали внимание на это, правозащитники, Конгресс, а сейчас иеговистов просто обыскивают по домам. Они попали в экстремисты.

Эта проблема стоит очень остро. И дай Бог, чтобы идеи Янова в этом плане восторжествовали.

Регельсон. Константин Александрович Кедров, доктор философских наук, декан факультета «Академия поэтов и философов».

Кедров. Да, я декан факультета «Академия поэтов и философов» Московской академии образования. Это утверждено ВАКом, как ни странно. Так что не все так плохо в России, как кажется.

И, кстати говоря, я должен сказать одну очень важную вещь. В 1957 г. я начинал свою деятельность как поэт, потом мне захлопнули все двери, сейчас я снова вырвался на свободу. Первые слова, которые у меня были напечатаны в этой, казалось бы, абсолютно рабской стране, были такие: «Каждая страна говорит о свободе. Но разве же есть у свободы родина? Свобода — родина всего мира. Дайте же мне единственную свободу — свободу не убивать». Как вы понимаете, после этих слов передо мной были захлопнуты все двери. Но сейчас я снова это повторяю. И, к сожалению, это по-прежнему еще для России ново.

Потому что даже в нашей сверхпросвещенной, я бы сказал, сверхмудрой, в чем-то даже святой аудитории даже у нас слышится: «Особенности, особенности... наши особенности...». Да особенности есть и в Голландии, которую может в любую минуту затопить — плотина рухнет, и в Бельгии, где фламандцы выясняют отношения с нефламандцами. В любой стране есть масса всяких проблем. Но нас объединяет общее для монгола, и для китайца, и для Европы, и для Азии: без свободы мы жить не можем. Рабское состояние противоречит жизни. Поэтому Янов по большому счету абсолютно прав: Россия — европейская страна в том смысле, что ни Европа, ни Россия, ни Азия не смогут жить без свободы. Время деспотических режимов — такая же реальность, как реальность смерти, смерть есть всегда. Но и жизнь есть всегда. И в той мере, в какой мы живы, мы свободны, в той мере, в какой мы мертвы, мы в деспотии. И тут ни Европа не при чем, ни Азия, ни Евразия, ни прочие всякие выдумки. Потому что это выдумали, эту Евразию выдумали, это же зашифрованное обозначение Советского Союза, чего уж там мудровать.

Я хочу заметить еще одну вещь. Мне приходится много общаться со студентами, с молодыми людьми. Должен вам сказать, что в среде так называемых

националистов и даже фундаменталистов и, казалось бы, таких правых-правых, что клеймо на них негде ставить (вплоть до того, что со свастиками ходят), очень распространено «Наша Russia». Один кремлевский писатель недавно выпустил книгу о том, что все в России рабы. Понимаете, этим начинают спекулировать: мы, дескать, врожденные рабы, и что с нами... Ну, писать-то это в букварях писали «Мы не рабы, рабы не мы».

Должен вам сказать, что не прошли бесследно ельцинские реформы. И рубль меняется на доллар, и занавес железный рухнул, мы ездим свободно за границу, и жилье пытались у нас обратно расприватизировать — что-то не получилось. Так что не надо впадать в отчаяние. Вот отец Глеб подтвердит: дьявол — это уныние. Я уверен, что свобода все равно победит, поскольку жизнь продолжается, а жизнь — это свобода.

И еще... Учитывая, что эту стенограмму, вероятно, Янову передадут, как поэт я ему делаю маленькое подношение: «Я нов! Янов!».

Регельсон. Леонид Сергеевич Васильев, философ, историк, автор множества интереснейших книг, востоковед.

Васильев. Дорогие коллеги, я, насколько ощущаю себя, являюсь единственным из тех, кто может сказать, что он учился вместе и с Сашей Яновым, и с Леней Миловым, которого здесь мельком упомянули. Мы все в общем-то с одного курса, из соседних групп. Каждый из нас шел своим путем в истории, но каждый остался историком. Поэтому мы можем как-то пытаться разобраться в том, что происходит с этой самой историей, о которой здесь сегодня очень много говорили.

Почему я с этого начинаю? Не только для того, чтобы показать, кто я такой, а в основном для того, чтобы сказать, почему я беру на себя грех говорить критически. Известный физик Ферми, говоря о внеземных цивилизациях, как-то сказал: «Если они есть, то где они? Почему их нет?». С тех пор это считается парадоксом Ферми, и очень много об этом пишут разные люди, которые пытаются найти внеземную цивилизацию.

Бог с ними, с внеземными цивилизациями, они сейчас меня меньше всего трогают. Но проблема, которую поставил Ферми, мне нравится. И я бы сказал так: если этого нет, то где же оно? Почему оно не вышло-то? Я имею в виду и вольных дружинников, и конституцию Салтыкова, и верховников времен Анны Иоанновны, и кое-что еще.

Я не хочу сказать, что все это зря сделал Александр Львович. Нет, не зря. Мне нравится его энергия, его эрудиция, его пафос, стремление доказать, что он прав. Но его аргументы меня не убеждают. Причем о каждом из тех, кого я упомянул. Ну возьмите хоть Салтыкова. Откуда он взялся, этот новгородский боярин Михаил Салтыков? От семибоярщины, которая сидела в Кремле рядом с польскими пришельцами и составляли с ними вместе какую-то бумагу, что ежели мы признаем вашего королевича Владислава, то пусть будет это, это, это и это. Но

причем тут конституция? Ну не было еще тогда конституций в мире вообще, в 1610-м.

Я искал эту конституцию, пытался ее найти, не смог. Плохо искал, верю. Но все равно речь идет о том, что даже если эта конституция была равна джефферсоновскому тексту и всему тому, что пошло дальше в Соединенных Штатах Америки, судьба-то ее была иная. И вот в этом всё. Если они есть, но их нет, то где они?

Это касается и вольных дружинников. Откуда они, вольные дружинники? Они, между прочим, брались от варягов, их приводили. То Владимир приведет несколько сотен, то Ярослав, чтобы побороть ту холопскую традицию, которую тот же Александр Львович упоминает. Тогда понятно, почему они разные. Варяги — это не то, что холопы. Я не буду говорить уже об Анне Иоанновне, я хочу подвести к сегодняшнему дню.

Я хорошо понимаю пафос Александра Львовича, мне очень хотелось бы, чтобы из этого вышло что-то, так же как ему очень хотелось бы: «Ну ребята, ну посмотрите, ну было же у нас что-то, я нашел по кусочкам. Ну было же что-то! Ну почему...». А что почему? Почему мы не хватаемся за это? Да схватитесь. Пожалуйста. Вот вас здесь сидит сколько — хватайтесь каждый, один за Салтыкова, другой за этих верховников Анны Иоанновны, третий за вольных дружинников... Ну, схватитесь, вы даже напишете десяток статей о каждом из них. Ну и что изменится для Путина? Абсолютно ничего не изменится!

И вот в этом трагедия, что в России было все, может быть, хотя меня не убеждают аргументы Янова. Может быть, он больше прав, чем я, я соглашусь с этим. Но где же оно, это? Его, этого, нету. И тогда встает совсем другой вопрос: а почему? И вот если поставить вопрос: почему же все эти грибы, которые вроде вырастали, срезали не глядя и ничего не дали — не заквасили, не поели их? Почему? Что-то было, что-то сыграло свою роль. Я не хочу сказать, что русские не годятся для того, для чего сегодня украинцы или поляки годятся. Вот вам блестящий пример: поляки могут, украинцы только-только освободились — могут! Это та же самая часть России — украинцы, они те же самые, наш кусок. Они могут провести честные выборы и отдать на честных выборах черт знает кому власть, за то, что честные выборы. А мы не можем.

Стало быть, были какие-то условия, стало быть, какая-то система мешала, и эта система была очень страшная... Почему я упомянул Леню Милова? Великорусский пахарь, ах, понимаешь ли, у него отнимали, он мало производил. Так ведь только из великорусских поморов и вышел Ломоносов, между прочим. А вот из тех, которые были поюжнее, у которых было побольше, да получше земля, ни одного Ломоносова не вышло, в лучшем случае крепостные актрисы выходили, и на том спасибо. Вот ведь ситуация какая.

Значит, вот это рабство, которое ну не хочет Александр Львович признавать. Россия имеет сервильный комплекс. Откуда он взялся? От татар ли он взялся, от

варягов ли, еще раньше возник... Если вы вспомните, откуда пошло и английское слово «slavery», и соответствующий латинский корень, если вы примете это во внимание, то согласитесь, что, может быть, еще раньше. Но все-таки что-то сыграло роль.

И в результате получилось, что дело в соотношении тех и других... А Россия действительно всегда была между Востоком и Западом. Не буду говорить, европейская она или не европейская. У нас, кстати, в Высшей школе экономики, где я заведу кафедру истории, такая лекция была — «Между Востоком и Западом». Имелась в виду история России и некоторых стран рядом.

Пожалуйста, в той же самой русской истории была Ордынская Русь, а рядом Литовская Русь. Сыграло это свою роль? Еще как сыграло! В Литовской Руси было магдебургское право, в Ордынской Руси этого не было. А что такое магдебургское право? Это города совсем другие. Вот тут я слышал голоса по поводу того, что в Новгороде полно демократии, а говорят, что это не демократия. Так правильно говорят! Они знают, что говорят, очень хорошо знают. Уж кто-кто, а Янин, который Новгород тридцать лет (или сколько там) копал, очень хорошо знает, что такое Новгород. Действительно, там не пахнет ни магдебургским правом, ни любекским правом, европейским правом, которое создало буржуазию.

А без буржуазии не могло в России быть ничего путного к тому моменту, когда уже послепетровское время пошло. Говорите вы о славянофилах, о национализме, о Герцене, о чем угодно. Буржуазии нет! Вместо буржуазии Демидов, которому отписывали крепостные деревни. Сейчас уважаемый батюшка выступил из старообрядцев. Единственной буржуазией были (но это уже конец XIX в.) старообрядцы, вот эти Морозовы, Рябушинские, чьи имена вы все хорошо выучили еще по краткому курсу. Вот это была буржуазия. Потому что они не пьянствовали, потому что были грамотные и хорошие в смысле поведения и т. д. Это оказались другие люди. Но для этого они должны быть за стеной, и они действительно были за стеной. Вот недавно показывали какое-то кино: они за частоколом стоят, выходит здоровый мужик и никого не пускает внутрь. Вот там живут старообрядцы. Всё.

А своей буржуазии ведь не было. Русская интеллигенция сыграла роль буржуазии. Те, кто в народ ходил, народники сыграли роль русской буржуазии во многих отношениях. Но они были интеллигенты, а не буржуа, они не могли создать то, что на Западе создали буржуа, т. е. ту самую частную собственность, которая не чета частной собственности, что бывает на Востоке или что была в России.

Все эти проблемы необходимо было принять во внимание. Но Александр Львович увлекся, он пошел по своему пути. Он очень хотел, чтобы так получилось, что он скажет, и люди поймут (вот в 1990-е годы, когда он сюда приезжал, когда он здесь был активистом), — и сразу все пойдет хорошо. Не пойдет. Потому что были другие обстоятельства. И если сегодня Россия не идет... Как раз сегодня у нас есть то, что можно было бы сделать основой для либерализма и демократии. Так

сегодня идет по традиции, понимаете ли, централизация власти, и никуда от нее не денешься, пока Путин сидит наверху, а ему вторит человек, который может говорить красивые слова, но ничего не может сделать.

Регельсон. Мы уже идем к финишу. Еще будет фуршет, вы сможете обменяться мнениями. Давайте еще немного сосредоточимся. У нас еще два-три выступления. Евгений Васильевич Верлин, заместитель главного редактора журнала «Русский мир.ru».

Верлин. Так получилось, что третий день подряд после ассамблеи Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) мы обсуждаем те же самые проблемы: возможный вектор России, модернизация и т. д. Сегодня в фонде «Русский мир» была презентация новой книги венгерского слависта Дюлы Свака «Русская парадигма: Русофобские заметки русофила». И я третий день слушаю одни и те же споры, одни и те же рассуждения.

Предыдущие ораторы говорили о том, почему не получается. Вроде как бы элита носит европейские костюмы, имеет детей в Лондоне, счета и т. д. Это некое резюме того, что говорилось за последние дни включая сегодняшний. Ведь и в Кремле все всё читают, а Васька слушает да ест.

И они понимают, куда мы идем. Вот Сергей Александрович Караганов, глава СВОПа, говорит, что надо элиту образовывать, доказывать ей, что Россия идет не туда, что это путь к застою, к стагнации, и все плохо кончится. В общем-то ничего и доказывать не надо. Когда выступают некоторые штатные политологи, они во все это не сильно верят. Они играют те роли, на которые их наняли. Просто надо напоминать об этом. Потому что образовывать... Один очень умный экономист мне сказал: «Тут первый раз поехал актив “Единой России” в один областной город образовывать. Знаешь, удивился — все люди всё понимают. Особенно когда тет-а-тет, говорят: “Да, мы все понимаем, что мы туда идем, но нам платят здесь, мы в этой вертикали власти крутимся”». Как в КПСС раньше. А все вышли из КПСС.

Вот люди, которым за сорок пять — пятьдесят, говорят: мы изнутри ее разлагаем, но она что-то не сильно разлагается. Почему? Потому что когда кто-то имел простой продукт... Как классик замечал: Россия всегда экстенсивно развивалась, и просторы увеличивались за счет того, что шли за соболем в Сибирь. Как потом за нефтью триста-четырееста лет спустя. Соболю-то кто покупал? Европа. Туда и шли вслед за соболем, чтобы количество шкурок не уменьшалось. За это получать тот простой продукт, который в Англии создавался, часы «Брегет», и в Швейцарии в том числе, и всякие прочие интересные штучки.

Андрей Зубов презентовал свой двухтомник на ассамблее СВОП. С чего дискуссия началась: ради статуса ли модернизации наша внешняя политика существует, да и внутренняя тоже? Он правильно заметил, что всегда это была неполная модернизация, имитационная, когда от силы 5% элиты входило в Европу. И модернизация с этими гнилыми корнями привела к 1917 г.

Сейчас тоже 17-й год приближается, 2017-й. Не дай бог. Но теперь люди, которые рассматривают Россию как объекты вахтового управления своими активами, т. е. держат семьи в Лондоне и т. д., имеют, конечно, значительно больше возможностей свалить отсюда гораздо быстрее, перевести деньги и пр., чем, допустим, в 1917 г. Даже не надо в Севастополь ехать, на пароход садиться... Все в принципе схвачено. Поэтому нет ответственности.

Я как китаевед наблюдал в 1978 г. начало китайских реформ. Вот у китайской элиты была ответственность. Я уже не говорю о продуманном плане четырех модернизаций. А все эти лозунги... Дэн Сяопин: открытость, раскрытие миру, раскрепощение сознания... Это все было и это продолжается. У элиты просто была ответственность. Дело в том, что это не сырьевая элита, там же нет нефти, газа, и в отношении природных ресурсов Китай по некоторым позициям (по воде, почве, лесам) в десятки раз уступает России. А здесь всегда это было, были соболь, пенька, сейчас нефть и газ. И это все собирается и распределяется. Поэтому, пока это существует, бóльшую часть себе в карман, оставшиеся крохи — народу на дороги, из этого 30% сейчас Сочи, остальное на остров Русский, как пошутил один мой друг... Когда сваю забить в Сочи стоит четыре миллиона рублей, в то время как в других районах страны, в самых сложных условиях — пятьдесят тысяч, о чем мы говорим? Вот и вся парадигма. У китайской элиты нет шансов всем переехать в Калифорнию и в Лондон, а у нашей есть. Вот в этом, мне кажется, и различие.

Регельсон. Историк Вадим Владимирович Макаренко.

Макаренко. Интересная фраза насчет «европейского века России». Вот параллель. Александр Янов берет дату 1462 г. Приблизительно в это же время начался «христианский век в Японии» — в 1454 г. европейцы попадают в Японию на остров Танегасима. И он тоже идет там приблизительно до начала XVII в.

Может быть, эта параллель не случайна. Вопрос, который ставит Янов, та загадка, которая его тревожит: есть европейскость в русскости? Есть. Но где она, почему она, откуда? Совершенно ложное представление, что европейскость, которая была в России в XV в., должна была результативаться в капитализме.

Сейчас говорят: вот, допустим, Польша для демократии созрела, даже Белоруссия не сегодня завтра пойдет по этому пути, якобы Украина готова... Пожалуйста, завтра давайте все, что к востоку от Волги, отдадим Татарстану, и послезавтра, может быть, даже завтра к вечеру, у нас здесь будет полная демократия, абсолютно нормальная, установленная и т. д. Когда Иван открыл дорогу на восток, все маковки и колоколенки на этой территории устарели, их время кончилось, началось пространство и те формы организации, которые диктуют это пространство. Потому что общественно-экономическая формация — это всего лишь способ организации природной среды. И та природная среда, которой мы обладали, диктовала нам то, что мы имели. Голландия — это не европейскость, Франция — не европейскость, а то, что там выродилось.

Второй момент: капитализм создавался благодаря тому, что было два субрегиона развития. Капитализм не появляется в одной стране, это региональное явление. И без простого продукта, который выращивался в Польше, на Украине (зерна и т. д.), капитализм в Европе никогда бы не появился. Соответственно это постепенный процесс: появился капитализм там, вторая волна — Германия, другие... Мы не попали во вторую волну. Есть причины расстраиваться, потому что ставки были слишком высоки. Мы просто проиграли Первую мировую войну, хотя должны были победить. Мы должны были победить во Второй мировой войне, но мы ее проиграли. Как проиграли? Нас соблазнили Европой, т. е. нам ее дали — пожалуйста, мы пятнадцать стран кормили, растили и т. д. Кормили, растили на востоке, в других местах.

Мы постоянно пытаемся, но не можем организовать колоссальное пространство. И по этому поводу почему-то существует вселенская печаль. Ничего страшного, пространство огромное, мы его постоянно организовываем, нам не хватает ресурсов, мы теряем людей. Вместо того чтобы растить организаторов, мы начинаем обсуждать чисто идеологические штучки — европейскость и т. д.

Кто сказал, что модернизация — это либеральные реформы? Ну что за чушь? Какая это модернизация? Возьмите Мэйдзи. Что, там были либеральные реформы? Там были какие-то люди? Там чисто корпоративная самурайская идеология вписалась в наступавшую стадию развития монополистического капитализма. И были построены монополии, дзайбацу, раньше, чем они появились в Англии и других местах.

У нас был прекрасный инструмент — госкапитализм. Вот хорошая мысль была у Васильева, что у нас не технократы, не капиталисты решали вопросы, а интеллигенция, идеологи, так сказать.

Грубо говоря, то, что привносит замечательный человек Александр Львович Янов, другие интеллигенты, — это зараза. Да, пожалуйста, можно завтра, отдав Сибирь, отдав Кавказ с этими идеями Янова, Сахарова и других стать прекрасной демократией в районе Московии. Но если вы держитесь и не можете отдать Южно-Курильские острова, четыре острова, которые никому толком не нужны, то, извините меня, до демократии здесь никогда дело не дойдет. Потому что либо ты держишь все в руке и, соответственно, должен быть Путиным, либо ты отдаешь, и тогда ты Горбачев. И вот в этом парадоксе все дело.

Голос. Вы предлагаете отдать?

Макаренко. Я предлагаю понять, где мы живем.

Голос. А чем закончилась Мэйдзи? Мэйдзи закончилась Хиросимой. А потом американцы все сделали. А Бисмарк кончился Гитлером.

Регельсон. Дорогие мои, ситуация у нас такая, что впору начинать новый семинар. Но мы этого сделать не можем, поэтому уже почти закругляемся. Ирина Владимировна Карацуба, может быть, вы все-таки два слова скажете? Потому что

вы не исчерпали свой ресурс времени в первом выступлении. Кратко, но... Как вы умеете.

Карацуба. Вообще-то на это кратко невозможно ответить. Сегодня много гневных слов сказано в адрес историков. Было такое стихотворение Владимира Друка (жаль, что ушел наш поэт), и я себя чувствую, как персонаж этого стихотворения: «Нежно смотрит на микроба аспирантка С. Петрова. Так же нежно в микроскоп смотрит на нее микроб». Я с огромной нежностью, как этот микроб, смотрю на всех участников нашей дискуссии. Это такая чисто русская дискуссия, где каждый говорит о том, что у него наболело, иногда в прямой, а чаще всего в абсолютно косвенной связи с предметом разговора.

Вот историк говорит, что он не смог найти конституцию Михаила Салтыкова, — значит, никакой конституции нет. Но тексты договоров от февраля и марта 1610 г. опубликованы в «Памятниках русского права» под редакцией Олега Чистякова, сейчас не помню наизусть, четвертый или пятый том. Что искать-то? Другой историк говорит, что Иван Грозный разорвал отношения с королевой Елизаветой, чего он никогда не делал. Я студентам за это двойки на экзаменах ставлю, может быть, неправильно...

И еще один поэт мне на ум приходит: «Уцелевшие в катаклизме пребывают в пессимизме. Их вчера в стеклянной призме к нам в больницу привезли». Я очень хорошо понимаю глубоко пессимистические настроения коллег, потому что, конечно, быстротекущая действительность вокруг нас дает мало поводов для оптимизма. Но все-таки когда я слышу, что последние двадцать лет не дали ничего, кроме трухи, остается только руками развести.

Леонид Васильевич Милов был один из моих университетских учителей, у которого я училась на многих курсах, и его концепция вряд ли может быть противопоставлена концепции Янова. А если и может, то по принципу того же абсолютно романтического отношения к источнику. Потому что Милов — это в чистом виде географический детерминизм. Я со студентами как-то обсуждала его концепцию и его многочисленные материалы на семинарах и предложила (поскольку наши студенты — это такой громокипящий кубок): «Кто может сформулировать суть его концепции в одной фразе? Или в двух хотя бы». Прошу прощения за стилистику студенчества, но мне ответили (это лет десять назад, наверное, было): «Суть концепции Леонида Васильевича Милова в том, что коровы мало какали, поэтому первый университет был основан только к середине XVIII в.». Должна признать, что некое рациональное зерно в этом есть. Я слушала много лекций Милова, много говорила с ним, он меня учил по многим предметам, но Леонид Васильевич был сторонником абсолютно жесткого географического детерминизма. Ему говоришь: «Ну, Леонид Васильевич, а Финляндия? А Скандинавия? Чем наши природные условия от них сильно отличаются?». Беспольный разговор. Кроме того, он был жутким монархистом, светлая ему память. Абсолютно карамзинская школа.

Регельсон. Спасибо, Ирина Владимировна.

Карацуба. Извините, просто очень трудно отвечать, приводя конкретные исторические аргументы, и слышать: «Время истекает». Когда говорят, что историософия важнее, чем конкретные факты, этого я понять не могу. Как историософия может противоречить конкретным фактам? У меня начинается когнитивный диссонанс. Может быть, еще коллега-историк прокомментирует?

Регельсон. Понимаете, тут трудность такая, что, конечно, многие по второму разу хотят, но лимит времени...

Голос. У нас тут коллективное приветствие...

Регельсон. Это с Дмитрием Витальевичем решим. Мы сейчас за фуршетом произнесем тост и передадим. Все-таки мы вынуждены закругляться. Мы можем это все продолжить в частном кругу. Но надо соблюсти порядок: два заключительных слова — я обязан сказать кратко, и Дмитрий Витальевич окончательно поставит точку.

Так вот, много интересного мы узнали сегодня. На самом деле разговор был по теме, хотя, может быть, неформально. Но по сути мы говорили о главном.

Что я хочу сказать в заключение? Я тоже прожил немаленькую жизнь, тут много таких. И скажу тем, кто говорит, что ничего не меняется, что все плохо: имейте совесть. Понимаете, с 1953 г. до нынешнего времени со всеми шатаниями, колебаниями, конечно, жизнь становится более свободной, более обеспеченной, более либеральной. Брежнев — это не Сталин, а Путин — это не Брежнев, что бы мы там о нем ни говорили. Это огромнейшие скачки. Конечно, в масштабах нашей жизни это кажется слишком медленным, а в масштабах истории это очень быстрые процессы. И в определенном направлении.

Та двойственность политической культуры, о которой сказал Янов, никуда не ушла. Конечно, борьба и выбор. Он все время подчеркивает: перед нами стоит выбор. И наше сословие, интеллигенция, на самом деле играет очень большую роль. Иногда от интеллигентского настроения зависит, начинать войну или не начинать, как было перед Первой мировой. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». У всех вас студенты, это понесут дальше. И один в поле воин...

И последнее. Мы под колоссальным влиянием советского крепостничества. Это было последнее и самое мощное здание крепостного права. Надо понять его природу, откуда оно вообще взялось. Ведь до сих пор это крепостное право еще в нашей массе живет. Это жажда патернализма, чтобы папа-государство, как раньше барин, о нас заботилось. Но это постепенно проходит, и не так медленно, как нам кажется.

Тренин. Мы сейчас буквально через минуту начнем очень приятную часть собрания. Но прежде я хотел бы вас всех поблагодарить за то, что вы действительно сделали сегодняшний семинар одним из самых интересных, которые мы устраивали в последнее время.

Я думаю, из этой дискуссии, а может быть, из той жизни, которая нас окружает, следует вывод, что самое главное и интересное у нас сегодня, возможно, впервые в российской истории на протяжении последних столетий, происходит не в государстве, а в обществе. Там идут фундаментальнейшие изменения. Они идут своим чередом, с той скоростью, с которой общество может осилить, но они идут. Их направление можно назвать модернизацией, Европой, как угодно. Но они идут туда, куда, я думаю, уже прошли до нас многие другие народы. Мне кажется, мало сомнений в отношении вектора российского развития.

Россия сегодня страна без нации. Это, с одной стороны, очень плохо. А с другой стороны, тут, на мой взгляд, источник того внутреннего развития, о котором здесь говорилось, в том числе со ссылкой на уважаемого Александра Львовича.

В России сейчас общественное в загоне. Зато частное прорастает пышным цветом на самых разных уровнях. Частное сегодня победило общественное, в том числе и государство. Никому, собственно говоря, не интересно, кто станет президентом России в 2012 г., решает один человек — как решит, так и будет. Это неважно, важно другое. В России происходит, еще раз подчеркиваю, колоссальная внутренняя работа.

Тут ссылались на Путина. Путин вчера или позавчера сделал фантастическое распоряжение — вытаскивать двенадцать тысяч застрявших в Европе россиян автобусами и прочими средствами невоздушного транспорта. Вот здесь Россия на самом деле меняется, в этом. Не в Путине. Но и в Путине тоже. Потому что вы можете себе представить лидеров прошлого, которые таким образом заботились бы о застрявших россиянах?

Еще раз большое всем спасибо. Господа европейцы и неевропейцы, я очень надеюсь, что вы сейчас присоединитесь ко мне в пожелании доброго здоровья Александру Львовичу Янову.